

Соловьев Евгений Андреевич

**Г.Т. Бокль, его жизнь и
научная деятельность**

Биографический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Андреевич С.**
Г.Т. Бокль, его жизнь и научная деятельность: Биографический очерк / Соловьев Евгений Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 82 с.

ISBN 978-5-519-74748-6

ISBN 978-5-519-74748-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Вмѣсто предисловія	5
I. Дѣтство, отрочество, юность.	10
II. Пятнадцать лѣтъ въ библіотекѣ	26
III. «Исторія Цивилизаціи въ Англіи». . .	45
IV. Боевъ въ обществѣ.	61
V. Послѣдній годъ жизни.	74
Заключеніе	76

ИСТОЧНИКИ:

- 1) Henry Thomas Buckle. Works.
 - 2) Alfred Huth. «Life and Writings of H. Th. Buckle».
 - 3) Longmore. «Reminiscences of Buckle». Atheneum, January 1875 r.
 - 4) Ch. Kale. «Personal Reminiscences of the late H. Th. Buckle». Atlantic Monthly 1863 r.
 - 5) «Biographical Sketch of Buckle». «Frazers Magazine» for September 1862 r.
 - 6) Droysen's Grundriss der Historik: «Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft».
 - 7) Flint. «The Philosophy of History».
 - 8) Glennie. «Mr. Buckle in the East». «Frazers Magazine» 1863 r.
 - 9) Idem. «Pilgrim Memories», London 1875 r.
-

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Бокль жилъ въ эпоху, богатую могучими дарованіями. Въ тѣ годы, когда создавалась «Исторія цивилизаціи въ Англіи», въ области естествознанія работали Дарвинъ, Ляйель, Гексли; въ области философіи — Милль, Бэнъ, Спенсеръ; исторіи — Макколей, Карлейль. Онъ былъ современникомъ Конта и Гельмгольца, и все же, какъ ни велики люди, окружавшіе его, его имя смѣло можно поставить рядомъ съ ихъ именами, его трудъ найдетъ себѣ мѣсто возлѣ «Положительной философіи», «Основныхъ началъ», «Логики». И виновато въ этомъ не только достоинство «Исторіи цивилизаціи», но и самый духъ, которымъ проникнуто сочиненіе.

Лишь на первый взглядъ «Геологія» Ляйеля, «Происхожденіе Видовъ» Дарвина и книга Бокля не имѣютъ между собой ничего общаго. Здѣсь толкуется объ образованіи земной коры, тамъ — о переходѣ одной разновидности животнаго міра въ другую, Бокль стремится формулировать законы исторіи. Но различіе предметовъ такъ-же скоро бросается въ глаза, какъ и единство духа, настроенія, мысли создавшихъ и новую эру въ изученіи природы, и новую эру въ изученіи человѣка и его исторіи.

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ, не исключая Россіи, Англія наиболѣе энергично пережила тотъ періодъ, который можетъ быть названъ періодомъ торжествующаго естествознанія. Не особенно продолжительный — 20—25 лѣтъ, онъ оказался однако наиболѣе плодотворнымъ въ умственной жизни XIX столѣтія. Естествознаніе, его приемы, методы, его воззрѣнія на природу и человѣка вторглись во всѣ области знанія, пересоздали философію и психологію, ученія о нравственности и объ общественномъ строѣ. Бокль, Милль, Спенсеръ смѣло могутъ быть названы «естествоиспытателями» человѣка и его духовной жизни.

Разумѣется, эпоха торжествующаго естествознанія наступила не сразу. Она готовилась, и притомъ очень долго, разрозненными усиліями десятковъ и сотенъ людей. Бэконъ и Декартъ, Лапласъ и Лавуазье, Кювье и Биша — ея духовные отцы, дѣды и

прадѣды. Изучая природу, они постепенно приучали человѣка къ мысли, что въ окружающемъ его мірозданіи нѣтъ ничего случайнаго, произвольнаго, что все совершается по извѣстнымъ непредложнымъ законамъ—безразлично, возьмемъ ли мы движеніе планетъ или развитіе органовъ какого-нибудь животнаго, или соединеніе химическихъ элементовъ. Но послѣ ихъ трудовъ оставалась еще крупная и сложная задача—одухотворить той-же самой идеей изученіе человѣка и его исторіи, показать, что и здѣсь случай и произволъ не играютъ никакой роли, и приступить къ человѣчеству, какъ къ «естественному явленію».

Кажется, нѣтъ мысли, которая давалась бы съ такимъ трудомъ людскому пониманію, какъ эта. Предразсудки вѣковъ и тысячелѣтій должны были возстать противъ нея во всеоружіи своей сѣдины. Возмущалась гордость человѣка, возмущалась его слабость, отъ которой повидимому выѣстъ съ иллюзіей собственнаго величія отнималось послѣднее и самое сильное утѣшеніе. Онъ привыкъ считать себя центромъ мірозданія и чѣмъ-то особеннымъ, исключительнымъ, перворазряднымъ. Видя вокругъ себя постоянный процессъ смерти и рожденія, видя, какъ равнодушно относится природа къ гибели живыхъ существъ вообще, какъ гибнутъ мириады цвѣтовъ и насѣкомыхъ послѣ перваго-же ночного мороза или какъ безжалостно ломаетъ буря молодые побѣги деревьевъ—онъ, пораженный ужасомъ и слушаясь своей гордости, заносилъ себя въ совершенно особую категорію живыхъ существъ и, провозгласивъ свою волю свободной, уничтожилъ всѣ нити, связывающія его жизнь съ жизнью остальной природы.

«Для воды, которая не можетъ не закипеть при 80° тепла, для свѣчи, которая не можетъ не потухнуть въ углекислотѣ, для дерева, которое не можетъ не расти кверху,—есть свои законы. Для него, для человѣка, вѣнца созданія—нѣтъ законовъ. Онъ выше ихъ, онъ вѣѣ ихъ. У него—свободная воля, и эта свободная воля поступаетъ по-своему, независимо отъ обстоятельствъ, мотивовъ, разчета, ничему не подчиняясь, не зная себѣ господина.»

Эти мысли заключали въ себѣ неистощимый источникъ бод-
рости и душевной энергіи. Небольшая, но полная значенія фраза «я хочу»—являлась для человѣка таинственнымъ, сказочнымъ талисманомъ, передъ которымъ отворялись всѣ запертыя двери. Могущество времени, пространства, обстоятельствъ исчезали, и

стѣны ихъ тюрьмы рушились передъ свободной, независимой волей, не подчиненной ни времени, ни пространству, ни обстоятельствамъ. Ежедневный опытъ, опытъ дѣйствительности не научалъ ничему, не измѣнялъ ничего. Онъ только скользилъ по поверхности человѣческой мысли, въ глубинѣ которой таилась гордая увѣренность въ своемъ всемогуществѣ.

Разстаться съ такими идеями, войти въ цѣпь остальныхъ живыхъ существъ, признать надъ собой полную и безусловную власть климата, пищи, рельефа поверхности, законовъ исторіи—было слишкомъ мучительно или казалось такимъ на первый разъ по крайней мѣрѣ. Мысль о свободной волѣ давала не только утѣшеніе, она награждала человѣка сознаніемъ собственной силы, безъ чего самая жизнь была бы слишкомъ скучной, утомительной, ничтожной. И, несмотря на разрозненные, хотя и частые голоса дѣятелей науки,—люди крѣпко, упорно держались идей, бывшихъ для нихъ источникомъ живой воды. Пускай Коперникъ доказываетъ, что планеты движутся съ опредѣленной скоростью по извѣстнымъ орбитамъ—то планеты; пусть Ньютонъ даетъ свой законъ тяготѣнія—то законъ для тѣлъ, для матеріи; пусть Кювье говоритъ, что организмъ животного—точный отпечатокъ его пищи и обстановки—то животное. Воля человѣка сама въ себѣ носить источникъ дѣятельности, она опредѣляется сама собой.

XVIII-ый вѣкъ, въ лицѣ Монтескье, Вольтера, энциклопедистовъ, сталъ подкапываться подъ мысли, питавшія человѣческую гордость. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи смѣло, дерзко, подчасъ грубо, всегда-же односторонне. Въ глазахъ Кондильяка человѣкъ былъ не больше (!), какъ одушевленная статуя; въ глазахъ Монтескье общія причины исторіи значили ничуть не меньше, чѣмъ разумъ людей, и т. д. Историческая роль такихъ воззрѣній заключалась въ томъ, что послѣ нихъ оказалось уже возможнымъ приступить къ изученію человѣка, его прошлаго и настоящаго, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, совершенно отбросивши идею о его обособленности отъ остальной природы. XIX-ое столѣтіе попыталось осуществить эту задачу, и въ разсматриваемый нами періодъ (60-ые годы) принципы естествознанія совершенно подчинили себѣ изученіе человѣка. Чтобы понять, въ чемъ тутъ суть, приведу извѣстные слова Дарвина, сказанные по прочтеніи имъ трактатовъ Канта о нравственности: «Я прочелъ

съ большимъ удовольствіемъ «Grundlegung» Канта. Мнѣ было интересно видѣть, какъ различно думаютъ два человѣка объ одномъ и томъ же предметѣ. Хотя я хорошо знаю, насколько дерзко ставить меня рядомъ съ Кантомъ, но мнѣ хочется обратить вниманіе на то, что *Кантъ, великій философъ, наблюдалъ исключительно свой собственный духъ, тогда какъ я — плохой философъ — путемъ наблюденія обезьянъ и дикихъ людей старался доискаться рѣшенія того же вопроса*. Иронія, проникающая эти строки, очень характерна.

Чѣмъ было вызвано это невиданное до той поры торжество естественныхъ наукъ — объяснить мы не беремся, къ тому же такая задача завела бы насъ слишкомъ далеко. Исторія умственного движенія XIX вѣка разработана такъ мало, что невозможно пока установить органическую связь между отдѣльными эпохами. Ограничимся пока тѣмъ, что укажемъ на фактъ несомнѣнный и очевидный. Былъ на самомъ дѣлѣ періодъ, когда принципы естествознанія подъ формою положительной философіи Канта, синтетической философіи Спенсера, доктринъ Милля, историческихъ взглядовъ Бокля, ученія Дарвина о нравственности, системы Фейербаха — точно какимъ нибудь повѣтріемъ распространялись изъ страны въ страну.

Наша родина не избѣгла общеевропейской участи. Почти въ то же время, какъ Бокль издавалъ свою «Исторію Цивилизаціи», Дарвинъ подготовлялъ къ печати «Происхожденіе видовъ», Спенсеръ работалъ надъ послѣдними главами «Основныхъ началъ» («First Principles») — наша журналистика была переполнена статьями о Молешоттѣ и Бюхнерѣ, а естествознанію воспѣвались краснорѣчивые панегирики. Тогда писали: «Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь этому увяданію нашей беллетристики и вижу здѣсь очень хорошіе симптомы для будущей судьбы нашего умственного развитія». Эта судьба «заключается въ изученіи природы и въ изученіи человѣка, какъ послѣдняго звена длинной цѣпи органическихъ существъ». Намъ остается слѣдовательно идти по дорогѣ, проложенной европейцами, «ибо мыслящіе европейцы собрали и привели въ порядокъ необозримую груду фактовъ, относящихся ко всѣмъ отраслямъ естествознанія; въ настоящее время исторія и политическая экономія прислоняются къ изученію природы и постоянно очищаются отъ примѣси тѣхъ фразъ, гипотезъ и такъ называемыхъ

законовъ, которые не имѣютъ для себя основанія въ видимыхъ и осязаемыхъ свойствахъ предметовъ. Умозрительная философія скончалась вмѣстѣ съ Гегелемъ, и приемы опытныхъ наукъ проникли и продолжаютъ проникать до сихъ поръ во всѣ отрасли человѣческаго мышленія. Отрѣшнаясь отъ школьныхъ фантазій, наука въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова получаетъ наконецъ въ мірѣ свое полное право гражданства; она формируетъ не спеціальнаго изслѣдователя, а человѣка; она закаляетъ умъ; она приучаетъ его дѣйствовать этимъ умомъ во всѣхъ обстоятельствахъ всеневной его жизни, она помогаетъ людямъ, подобнымъ Лопухову, разрѣшать посредствомъ строгаго анализа всѣ запутанные и щекотливые вопросы, которые прежде рѣшались наудачу слѣпыми движеніями чувства; она входитъ въ кровь человѣка и перерабатываетъ его темпераментъ; она создаетъ величайшихъ поэтовъ, — тѣхъ людей, у которыхъ живая мысль проникнута насквозь горячей струей чувства; — тѣхъ людей, которые способны дрожать и плакать отъ восторга и созерцанія великой истины; — тѣхъ людей, которые дышатъ одной жизнью съ природой и человѣчествомъ».

Нечего и говорить, что этотъ дифирамбъ наукъ вырвался изъ-подъ пера Д. И. Писарева, самаго чуткаго и талантливаго представителя настроенія своей эпохи. Какую же науку имѣетъ онъ въ виду? Вотъ его подлинныя слова: «Скромное (т. е. истинное) изученіе началось настоящимъ образомъ съ прошедшаго столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ Лавуазье создалъ химическій анализъ; когда оно началось, метафизика смотрѣла на него покровительственнымъ окомъ. А гдѣ теперь метафизика? И кто ее тихимъ манеромъ отправилъ въ архивъ? И гдѣ теперь та наука, которая не подольщалась къ естествознанію и не отчаявалась бы въ своемъ существованіи, если естествознаніе не оказываетъ ей покровительства?» (Соч. т. III-й, стр. 272—273.)

Очевидно, что при такомъ настроеніи книга Вокля, гдѣ исторія не только прислонила къ естествознанію, а прямо оперлась на него, пришла какъ-разъ ко двору въ ту, такую близкую и вмѣстѣ съ тѣмъ такую далекую эпоху. На самомъ дѣлѣ, Уоллесъ свидѣтельствуешь, что: «въ Россіи Вокль пользуется еще большей славой, чѣмъ у себя на родинѣ. Многие считаютъ его величайшимъ гениемъ эпохи. Мнѣ ни разу не приходилось имѣть серьезнаго разговора съ интеллигентными людьми, въ которомъ не упоминалась бы книга

Бокля и не дѣлались бы ссылки на него, какъ на безусловный авторитетъ».

Великая психологическая истина выступаетъ передъ нами: духъ времени подчиняетъ и даже порабощаетъ себѣ умы самаго различного склада и самыхъ различныхъ стремленій. Въра въ точную науку и во всемогущество отношеній и обстоятельствъ, борьба съ теоріей свободной воли и признаніе законосообразности за нравственной и исторической дѣятельностью человѣка — вотъ идеи, которыя одинаково проходятъ красной нитью и черезъ статьи нашихъ журналовъ 60-ыхъ годовъ, и «Исторію Цивилизаціи» Бокля.

Что же далъ человѣчеству этотъ періодъ торжествующаго естествознанія и именно въ области философіи исторіи? Нижеслѣдующія страницы послужатъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

I.

Дѣтство, отрочество и юность Бокля.

Жизнь Бокля лишена всякаго внѣшняго, показного драматизма. Въ ней нѣтъ ни неожиданныхъ происшествій, ни борьбы съ обстоятельствами, ни серьезныхъ неудачъ. Вся она можетъ быть вытянута въ одну линію, и прослѣдить ее отъ начала до конца нетрудно. *Одна* страсть, одна обстановка, одно настроеніе, одна книга — таково резюме жизни и дѣятельности великаго англійскаго мыслителя, чье имя было когда-то (лѣтъ 25—30 тому назадъ) такимъ роднымъ и близкимъ всякому русскому образованному человѣку.

Генри Томасъ Бокль родился 22-го ноября 1821 года въ мѣстечкѣ Ли графства Кентъ. Его отецъ, Томасъ Генри Бокль, былъ довольно состоятельнымъ торговцемъ лондонскаго Сити, хотя съ англійской точки зрѣнія его состояніе, не превышавшее полуишліона рублей, представлялось въ сущности очень скромнымъ. Мать Бокля, мистриссъ Дженъ, вышла замужъ въ очень молодыхъ лѣтахъ и, кромѣ сына, будущаго автора «Исторіи Цивилизаціи», произвела на свѣтъ еще двухъ дочерей.

Единственный сынъ и вѣроятный преемникъ отцовскаго дѣла—маленькій Бокль пользовался въ домѣ полной и завидной свободой. Всюду, начиная съ чердака и кончая кухней, онъ былъ признаннымъ господиномъ и хозяиномъ, и только на комнаты отца и матери не простиралась его власть: туда онъ не смѣлъ войти безъ спроса, а если и входилъ, то не имѣлъ права предаваться своему излюбленному занятію—переворачивать все верхъ дномъ. Несмотря на слабый и даже хрупкій организмъ, онъ отличался въ дѣтствѣ большою шаловливостью, но и въ шаловливости проявлялась уже своеобразная и наивная разсудочность его натуры. Обыкновенно, просидѣвши два-три часа за разсматриваніемъ картинокъ, а впослѣдствіи за чтеніемъ своихъ излюбленныхъ арабскихъ сказокъ, маленький Бокль вставалъ съ мѣста, потягивался и говорилъ: «теперь можно и пошалить». Немедленно начиналось вавилонское столпотвореніе. Мебель сдвигалась въ кучу или переворачивалась ножками кверху. сестры въ ужасѣ убѣгали къ себѣ въ спальню, а юный бунтъ, нарядившись въ какой-нибудь фантастическій костюмъ изъ шали или скатерти, отправлялся на кухню и здѣсь, полный отваги, вступалъ въ бой съ дочерью кухарки или же, въ случаѣ особенно благодушнаго настроенія, рассказывалъ ей только-что прочитанную сказку, фигурируя, разумѣется, въ роли героя. Когда его останавливали, онъ неизмѣнно отвѣчалъ: «я знаю, что это не хорошо, но маленькому мальчику все можно». Нашалившись, онъ шелъ къ матери и, утѣвшись на скамеечкѣ у ея ногъ, просилъ почитать ему изъ священнаго писанія,—просьба, которая всегда исполнялась очень охотно, такъ какъ мать его была женщиной въ высшей степени религіозной. Боклю не было еще и десяти лѣтъ, когда его отдали въ школу,—одну изъ тѣхъ безчисленныхъ частныхъ школъ, которыя до послѣдняго времени почти исключительно вѣдали образованіе англійскаго юношества. Но подвергать своего сына всей строгости школьной ферулы отецъ не хотѣлъ и поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы маленький Бокль учился только тому, чему самъ пожелаетъ, а главное—чтобы его никогда не сѣкли и не били. Какъ ни исключительны были такіа условія, особенно послѣднее, такъ какъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія воспитаніе безъ розогъ представлялось англійскимъ педагогамъ чѣмъ-то вродѣ кормленія воздухомъ,—директоръ школы согласился, и Бокль

сталъ ходить на уроки. Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, что маленькому мальчику «все можно», онъ шалилъ и дрался съ товарищами и занимался только тогда, когда на него находило настроеніе. Однако это не помѣшало ему учиться лучше другихъ. Уже въ эти годы проявились его исключительная феноменальная память и быстрая сообразительность. Стоило ему дватри раза услышать латинскіе или французскіе стихи, какъ онъ уже зналъ ихъ наизусть, о терминахъ-же географіи или исторіи нечего и говорить, онъ схватывалъ ихъ на лету и не забывалъ уже никогда. Особенно заинтересовался онъ математикой, не тѣмъ однако ея отдѣломъ, который преподавали ему, какъ маленькому, а курсомъ старшаго класса—именно геометріей. Видя постоянно на доскѣ чертежи и фигуры, онъ сталъ вглядываться въ нихъ, соображать и однажды просто поразилъ учителя, задавши ему вопросъ по поводу одной сложной геометрической теоремы. Когда убѣдились, что это не случайность, Боклю позволили заниматься математикой со старшими товарищами, что и было для него немалымъ и въ сущности единственнымъ удовольствіемъ въ дни школьной жизни.

Въ школѣ онъ оставался очень недолго. Она тяготила его, отнимала цѣлые часы ежедневно, и онъ сталъ думать, какъ-бы поскорѣе отдѣлаться отъ нея совсѣмъ. Случай не заставилъ себя ждать. Однажды на публичномъ испытаніи Бокль получилъ первую награду по математикѣ и явился домой въ лавровомъ вѣнкѣ, каковымъ награждались въ тѣ времена «преуспѣвающіе». Увидя сына въ нарядѣ триумфатора, отецъ спросилъ его: чего онъ хочетъ? и обѣщалъ исполнить любую его просьбу. Бокль отвѣчалъ, что онъ хочетъ только одного—не ходить болѣе въ школу. Отецъ позволилъ, и мальчикъ запрыгалъ отъ радости.

Въ это время ему было всего тринадцать лѣтъ. Свѣдѣнія, вынесенныя имъ изъ школы, годились только для того, чтобы поражать ими прислугу, передъ которой Бокль очень любилъ являться во всемъ блескѣ своей образованности. Для большаго эффекта онъ, забравшись въ кухню, становился обыкновенно на столъ и съ наэосомъ читалъ наизусть отрывки изъ Виргилія или Овидія, немедленно же переводя ихъ, фразу за фразой, на французскій языкъ. Но до систематическихъ свѣдѣній мальчику не было рѣшительно никакого дѣла. Онъ весь отдался тому занятію, кото-